

VITA BREVIS: К ТОЛКОВАНИЮ ПЕРВОГО АФОРИЗМА ГИППОКРАТА

Ach Gott! die Kunst ist lang! Und kurz ist unser Leben.

И.В. фон Гёте. Фауст

1. Введение в чтение «Афоризмы» I, 1

«Афоризмы» Гиппократ Косского (460–377 до н. э.), прославленного греческого врача, «отца медицины», – самое известное из обширного собрания медицинских сочинений, сохранившихся под его именем. В *Corpus Hippocraticum* вошли произведения, написанные в период со второй половины V по III вв. до н. э. Как правило, они не содержат указания имени автора, представляя достижения школы в целом, поэтому вопрос об их аутентичности – предмет давних дискуссий. «Афоризмы», как считается, принадлежат самому Гиппократу и были написаны, предположительно, после 390 г. Со времен Галена текст имеет разделение на семь отделов и включает более четырехсот афоризмов. Первый из них звучит так: **«Жизнь коротка, путь искусства долог, удобный случай скоропреходящ, опыт обманчив, суждение трудно. Поэтому не только сам врач должен употреблять в дело все, что необходимо, но и больной, и окружающие, и все внешние обстоятельства должны способствовать врачу в его деятельности»** (перевод В.И.Руднева)¹.

В примечаниях В.П.Карпова к переводу книги «Афоризмов» говорится, что в отделе первом (афоризмы со 2-го по 25-й) собраны «диететические правила для больных и здоровых». Таким образом, Карпов, изымая из состава первого отдела первый афоризм, исходит из того, что этот афоризм не относится к *пациенту* (раз не относится к правилам ни «для больных», ни «для здоровых»), как все последующие афоризмы этого отдела, но к *врачу*. В таком случае, смысл начальных слов о «краткости жизни», – в согласии со старой экзегетической и новой издательской традицией, – заключается в следующем: чтобы овладеть искусством медицины, врачу требуется много времени и даже вся его жизнь, на протяжении которой врач совершенствует свое мастерство и становится более искусным. По крайней мере, со времен Галена в противопоставлении краткости жизни и длительности искусства принято усматривать один и тот же субъект: кто овладевает искусством, тот и сетует на краткость жизни. Таким образом, в первом вводном афоризме автор книги высказывает общее суждение о профессии врача; остальные афоризмы, в отличие от первого, имеют специальное содержание и касаются симптомов, терапии и прогностических оценок различных заболеваний.

¹ Сочинения Гиппократ в русском переводе цитируются по изд.: *Гиппократ. Избранные книги* / Пер. В.И.Руднева. Ред., вступ. ст. и примеч. В.П.Карпова. М.: Сварог, 1994 (репр. воспроизведение изд.: М.: Биомедгиз, 1936).

Обратимся к греческому тексту первого афоризма Гиппократата: *Ὁ βίος βραχύς, ἡ δὲ τέχνη μακρὴ, ὁ δὲ καιρὸς ὀξύς, ἡ δὲ πείρα σφαλερὴ, ἡ δὲ κρίσις χαλεπή. Δεῖ δὲ οὐ μόνον ἑωυτὸν παρέχειν τὰ δέοντα ποιεῖντα, ἀλλὰ καὶ τὸν νοσέοντα, καὶ τοὺς παρέοντας, καὶ τὰ ἔξωθεν* (Aphorismi I, 1)².

Текст афоризма в латинском переводе: *Vita brevis, ars vero longa, occasio autem praecipua, experimentum periculosum, iudicium difficile. Nec solum seipsum praestare oportet opportuna facientem, sed et aegrum, et assidentes et exteriora*³.

Коротко поясним значение греческих терминов, которые встречаются в этом высказывании.

Βίος (*bios*, *vita*) – жизнь в разнообразных смыслах этого слова. Гиппократ имеет в виду, конечно, время *человеческой* жизни. Для обозначения понятия «жизнь» в греческом языке существует еще одно слово: *ζωή* (*dzôê*), – от него и образовано *ζῷον*, живое существо, животное. Разница может быть показана через собственные антонимы для каждого: жизни-*dzôê* противоположна смерть, но жизни-*bios* противоположна скорее другая жизнь, другой образ жизни, а не смерть. Значение *dzôê* может быть максимально широко и применимо ко всем формам жизни, от низших природных (био-зоо-логия) до высших уровней (поздние платоники говорили о жизни ума и т. п.). Правда, во времена Гиппократата и Аристотеля *bios* и *dzôê* часто синонимы. В трактате Аристотеля «О долготе и краткости жизни» впервые обсуждалась тема краткости срока жизни человека по сравнению с жизнью некоторых животных, здесь мы встречаем термины *βραχύβιοι*, живущие короткое время, и *μακρόβιοι* – долгожители. Собственно, эта пара прилагательных – длинный/короткий – чаще употребляема вместе со словами «жизнь», «время», «день» и «ночь», «речь», но искусство назвал длинным (*μακρὴ*) едва ли не один Гиппократ.

Τέχνη (*tekhnê*, *ars*) – в данном контексте имеется в виду искусство врачевания, медицина. В русском литературном переводе получилось несколько более многословно «путь искусства долог», тогда как по-гречески сказано «искусство долго». Греческое искусство-*τέχνη* – понятие, не сводимое к современному русскому «искусство». Греки называли «искусством» всякую полезную деятельность, для которой требуется как ручная сноровка (синоним для искусства здесь – ремесло), так и умственная работа (синоним был бы – наука), направленная на поиск *причин* наблюдаемых явлений. Диапазон этих деятельностей исключительно широк: от виноделия, ткачества, мореплавания, гимнастики, игры в шашки до медицины, арифметики, риторики, мантики и т. д.⁴ В медицинских текстах *τεχνή*, как правило, употребляется без уточняющих эпитетов – подразумевается, что речь идет об одном искусстве – медицине. Таково значение *τεχνή* в «Клятве» Гиппократата, в сочинении «Об искусстве» из Гиппократовского сборника и др. произведениях.

Καιρός (*kairos*, *occasio*) – надлежащая пора, подходящее время, удобный (благоприятный) момент, с соответствующими предложениями в наречном значении: своевременно, кстати, или наоборот, преждевременно, не вове-

² Цитируется по критическому изданию Эмиля Литтре: *Oeuvres complètes d'Hippocrate* / Ed. É. Littré. Vol. 4. Paris, 1844 (repr. Amsterdam, 1962). P. 458–608.

³ Текст цит. по изд.: *Hippocratis Aphorismi cum Galeni Commentariis, Nicolao Leonicensi Vicentino interprete*. Paris, 1526.

⁴ Открыв древнегреческо-русский словарь на соответствующих страницах, можно прочитать: *ἀριθμητική ἡ* (scilicet *τέχνη*) – арифметика, *искусство* счета, *γυμναστική ἡ* (sc. *τέχνη*) – гимнастика, *ἰατρική ἡ* (sc. *τέχνη*) – медицина, *искусство* врачевания, *κυβερνητική ἡ* (sc. *τέχνη*) *искусство* управления, и т. д.

мя, некстати. Переведено В.И.Рудневым «удобный случай» (хотя «случай» было бы *τύχη*). У греков была поговорка: «удобный момент короток», *kairos brakhy metron ekhei*, т. е. надо успеть сделать вовремя. В контексте обсуждаемого высказывания означает благоприятный момент для лечения конкретного заболевания.

Πείρα (*peira*, experimentum) – опыт, приобретаемый с помощью чувств, врачебного наблюдения и вообще врачебных действий. Собственно, это проба: пробуем сделать так, сделали – получили удачный или неудачный опыт.

Κρίσις (*krisis*, iudicium) – суждение, высказывание своего мнения, а в специальных контекстах также судебный приговор; в медицинских сочинениях в сочетании со словом «болезнь» – кризис, переломный момент в течении заболевания. В контексте первого афоризма означает суждение в смысле постановки правильного диагноза. Фраза содержит противопоставление ранее упомянутого чувственного *опыта* и разумного *суждения*, с приложением соответствующих устойчивых эпитетов: первый «обманчив» (не достоин безусловного доверия), второе же дается «нелегко», как нелегко открывается всякая истина.

Во второй половине афоризма количество участников процесса лечения возрастает: не только сам врач должен делать все необходимое, «но и пациент», и «окружающие», и «внешние обстоятельства» должны врачу способствовать. Слова о внешних обстоятельствах (*ta exóthen*, exteriora) можно понять по-разному. Согласно Галену, под внешними обстоятельствами надо понимать все, что может повлиять на психологическое состояние пациента, на его переживания, плохой сон и пр. (In Aphor. comm. 356, 6–13). Сам Гиппократ неоднократно говорил о важности для успеха лечения учитывать условия окружающей среды. Этой теме посвящен его трактат «О воздухах, водах и местностях»⁵, а третий отдел «Афоризмов» содержит сводку болезней, возникающих в связи со сменой времен года и переменой погоды.

Принимая во внимание эти уточнения, содержание высказывания Гиппократ можно изложить следующим образом (курсивом отмечаем добавления в текст): жизнь *человеческая* коротка, искусство *врачевания* длинно, благоприятный момент для *успешного* лечения болезни краток, чувственный опыт обманчив, так что *правильное* суждение *разума*, основанное на *опыте* дается трудно. Поэтому не только сам *врач* должен делать все необходимое, но *все необходимое* должен делать и больной, и все окружающие лица, и внешние обстоятельства должны *способствовать* лечению.

На данном этапе чтения наша попытка «вписать» в текст Гиппократ слова, привносящие определенную установку толкования, сродни известному древним комментаторам упражнению в пересказе краткого и оттого неясного оригинала более пространном и понятным образом. Мнение о том, что текст Гиппократ труден и требует разъяснений, сложилось рано, приблизительно в то же время, когда появился сам сборник и первые комментарии к отдельным его произведениям. Во всяком случае, когда Гален в свое время затрагивал хронически острый вопрос о критериях аутентичности сочинений Гиппократ, он упоминал отмеченную прежними поколениями ученых сжатость и краткость слога как особенность сочинений отца

⁵ В трактате «О воздухах, водах и местностях» говорится, что приезжий врач для успеха лечения должен изучить географию населенного пункта (расположение города по отношению к розе ветров, восходу светил, источникам вод и т. п.), экологию (качество питьевой воды и т. п.), климат и метеорологические явления согласно временам года, и т. п. (см.: Гиппократ. Избр. кн. С. 278–306).

медицины⁶. Любопытно, что за сто лет до Галена один эллинистический филолог, автор трактата «О стиле», изданного под именем Деметрия Фалерского⁷, привел афоризм Гиппократов как пример стилистически неудачного построения фразы вследствие злоупотребления колонами (знак пунктуации, приблизительно соответствующий точке с запятой), что сделало слог досадно «сухим» (*ξηρά*):

«Вследствие отсутствия меры непригодны в речи и слишком длинные колоны, и слишком короткие, ибо в последнем случае получается так называемый “сухой” слог. Вот пример такого слога: “Жизнь коротка; искусство длинно; удобный момент мимолетен”. Речь здесь кажется как бы разрубленной, искромсанной на куски и производит досадное впечатление, так как все части ее очень кратки» (*De elocut.* 4, 7–10)⁸.

Чтобы лучше понять смысл «сухо» сказанного Гиппократом, обратимся к истории толкования его слов. В каком ключе разъясняли этот афоризм в античности? Что тогда казалось ясным, а что неясным, что спорным, а что общепринятым? При этом нас будут интересовать все возможные интерпретации слов о «краткости жизни».

2. Комментаторы «Афоризмов» Гиппократов: Гален и Феофил Протоспафарий

На книгу «Афоризмов» был написан не один десяток комментариев. Известно, что ее комментировали Аполлоний из Кития, Зевксид, Гераклид Тарентский, Соран, Руф Эфесский, Сабин, Асклепий, Юлиан из Александрии и др. Учитель Галена Пелопс составил комментарий и перевел «Афоризмы» на латынь. Венцом медико-экзегетической традиции стали комментарии Галена, и только благодаря упоминаниям в его сочинениях мы знаем нечто содержательное о трудах его предшественников.

Гиппократов продолжали комментировать, разумеется, и после Галена, но из комментариев на «Афоризмы» сохранился только византийский комментарий, носящий титульное авторство Феофила Протоспафария, на самом деле представляющий собой компиляцию произведений трех разных авторов.

⁶ Гален по своему обыкновению не упускает случая отметить немногословие Гиппократов, об этом он говорит, напр., также в: *De placitis Hippocratis et Platonis* II, 4, 9; *De elementis ex Hippocratis*, 483, 7; 501, 8; 507, 4. И современная оценка аутентичности сохранила признание темноты и лаконичности немногих подлинных сочинений Гиппократов. Так, Э.Литтре в предисловии к сочинению «О благоприличном поведении» писал: «Оно начинается длинным куском, трудность которого приводит в совершенное отчаяние. Кроме неточности и неисправности текста, на который наши рукописи проливают мало света, последовательность идей сама по себе темна и, по крайней мере для нас, бессвязна» (*Oeuvres complètes d'Hippocrate* / Trad. par E. Littré. 1839–1861. Vol. IX. P. 222, пер. В.И.Руднева).

⁷ Перипатетик Деметрий Фалерский (III в. до н. э.) не мог быть автором этого сочинения, датируемого рубежом I в. до н. э. – I в. н. э. Текст Псевдо-Деметрия см.: *Demetrii Phalerei qui dicitur de elocutione libellus* / Ed. L. Radermacher. Leipzig, 1901 (repr. Stuttgart, 1967). P. 3–62.

⁸ Перевод Н.А.Старостиной и О.В.Смыки (с изменениями) цит. по кн.: *Античные риторики* / Под ред. А.А.Тахо-Годи. М., 1978. Из текста Псевдо-Деметрия следует, что в древних рукописях афоризм был поделен на части колонами, а не запятыми.

Гален из Пергама

Знаменитый римский врач и философ Гален (II в. н. э.) составил подробные комментарии ко всем основным сочинениям Гиппократовского корпуса. Из них, как водится с античными текстами, до нас дошла лишь часть, но семь книг комментариев к «Афоризмам» сохранились полностью. Комментарий Галена построен традиционно: цитируется фрагмент, к нему пишется пространный комментарий, во много раз превосходящий объем комментируемого текста, при этом комментатор затрагивает разнообразные экзегетические и герменевтические вопросы от проблем авторства, сохранности текста, прочтения тех или иных букв и слов, до разъяснения смысла неясных выражений и оценки высказанных ранее точек зрения. Прежде всего, отметим, что Гален справедливо понимает слова о краткости жизни в связи со словами о долготе искусства. Это немаловажно, поскольку позднейшие расхожие интерпретации афоризма, делая его смысл максимально широким, иной раз утрачивали исходную связь слов в предложении.

Гален. Комментарий к «Афоризмам» Гиппократ: «В том, что это высказывание, – представляет ли оно один афоризм или два, – является введением ко всему сочинению, согласны почти все комментаторы. Что же Гиппократ хотел сказать своим введением, в чем здесь затруднение? Мы скорее поймем это, если сначала рассмотрим по отдельности все части, составляющие это высказывание. Всем комментаторам этой книги ясно, что он говорит о *краткости жизни* в сопоставлении ее с искусством. Искусство же он потому, на мой взгляд, считает *длинным*, что *удобный момент* – вещь наиболее скоротечная для всего, что связано с деятельностью, направленной на отдельные части, и на этом основании трудноуловима, так что медицинское искусство требует долгой практики, дабы научиться распознавать этот удобный момент. У искусства есть два орудия нахождения истины: во-первых, опыт, который ненадежен, и, во-вторых, суждение разума, которое дается нелегко и едва ли не труднее всего. А удобный момент назван *скоротечным* по причине текучести материи, с которой имеет дело медицина. В самом деле, наше тело подвержено переменам, причем легко изменяется не только от внешних причин, но и от внутренних. Опыт же ненадежен в силу указанной особенности материи, ведь лечение не всегда осуществимо из-за телесной изменчивости, оно еще связано и со скоротечностью удобного момента» (XVII.b, 346,1–347,3 Kühn)⁹.

«Но почему все-таки он в начале книги написал, что жизнь коротка относительно величины искусства? Это его изначальный тезис. Некоторые толкуют в том смысле, что он хотел побудить тех, кто овладевает этим искусством к достойному продолжению своих занятий, другие – что он хотел отвратить от искусства, третьи – что он сказал это не поощрения или предостережения ради, но ради некоего испытания и распознавания, кто из начавших занятия искусством медицины достоин его, а кто нет» (Ibid., 348, 7–16).

Слова о краткости человеческой жизни в сравнении с продолжительностью искусства могут допускать двоякую интерпретацию: возможно, Гиппократ говорит о краткости жизни врача, возможно – о краткости жизни пациента. Первое толкование оказалось единственно распространенным. О возможности второго не следует забывать, как не следует забывать о подчеркнутом внимании к роли пациента в процессе лечения, характерном для Гиппократовской медицины. По Гиппократу, у медицины три «начала»: бо-

⁹ In Hippocratis aphorismos commentarii vii / Ed. C.G.Kühn // Claudii Galeni opera omnia. Vol. XVII.b. Leipzig, 1829 (repr. Hildesheim, 1965).

лезнь, больной и врач, причем не врач, а больной борется с болезнью – при помощи врача. Внимание к больному на самом деле подчеркивает роль *природы*, способность организма больного сопротивляться болезни (а врач, как знаток *искусства*, следует природе в излечении). Итак, если Гиппократ в первом афоризме суммировал свой опыт занятий медициной, то жизнь пациента могла бы входить в значимое поле нашего чтения. Это пока не аргумент, это лишь гипотеза. Основным аргументом в пользу указанного понимания слов «краткость жизни» будет интерпретация второй части афоризма, где Гиппократом вводится идея сотрудничества пациента и врача.

Итак, Гален принимает толкование, согласно которому отец медицины имеет в виду краткость жизни врача. Так полагали и многие – если не сказать все – его предшественники: в самом деле, таково должно было быть мнение и тех, кто считал эти слова *побуждающими* к продолжению занятиями медициной (раз жизнь коротка – не следует терять время даром), и те, кто считал их предостерегающими и *отвращающими* от занятий медициной (какой смысл ею всерьез заниматься, если не хватит жизни выучить), и те, кто считал их *испытывающими* (что-то вроде: быть или не быть врачом – вот в чем вопрос).

Феофил Протоспафарий

О личности Феофила Протоспафария (жил, вероятно, в IX в.), под именем которого издан второй сохранившийся комментарий на «Афоризмы», никаких сведений нет. В его текст инкорпорированы фрагменты комментариев еще двух авторов – Дамаския и Стефана Афинского¹⁰. Иными словами, Феофил скомпилировал более ранние комментарии, дополнив их своими толкованиями. Мы обратимся к тексту Феофила в поиске его ответа на вопрос о краткости жизни: о чьей жизни говорит Гиппократ?

Из византийского комментария следует, что его автор был солидарен с Галеном в понимании краткости жизни в смысле краткости жизни врача. Размышляя, почему искусство названо Гиппократом «длинным», он пишет:

«Итак, *искусство длинно*, ибо долго его искать, долго учиться, долго совершенствоваться в его частях. В самом деле, как может один человек и отыскать все, и выучить, и достичь совершенства? И свидетель тому сам Гиппократ, сказавший, что обучение медицинскому искусству весьма долго, и я не достиг его предела, хоть и состарился» (Comm. In Hippocratis aphor. 247,7–12 Dietz)¹¹

Где у Гиппократа сказано, что он состарился, не достигнув вершин мастерства, установить сегодня затруднительно, – видимо, это произведение не сохранилось, если оно было. Возможно, однако, что мы имеем дело с отголо-

¹⁰ Дамаский (462–538), неоплатоник Афинской школы, в данном случае упомянут как автор неверно атрибутированного ему медицинского комментария. Стефана Афинского, согласно современной точке зрения, следует отождествить с философом-неоплатоником, астрологом и математиком Стефаном Александрийским (ок. 550 – ок. 622). Следовательно, его ныне утраченный комментарий на «Афоризмы» был составлен не позднее первой четверти VII в. н. э. См.: Papathanassiou M.K. Stephanus of Alexandria // Dictionary of Scientific Biographies. Vol. 13; Wolska-Conus W. Stéphanos d'Athènes et Stéphanos d'Alexandrie. Essai d'identification et de biographie // Revue des études byzantines 47. 1989. P. 5–89; Eadem. Stéphanos d'Athènes (Stéphanos d'Alexandrie) et Théophile le Protospathaire, commentateurs des Aphorismes d'Hippocrate sont-ils indépendants l'un de l'autre? // Ibid. 52. 1994. P. 5–68.

¹¹ Theophilus Protospatharius, Damascius et Stephanus. Commentarii in Hippocratis aphorismos / Ed. F.R.Dietz // Scolia in Hippocratis et Galenum. Vol. 2. Königsberg, 1834 (repr. Amsterdam. 1966).

ском старинной традиции считать «Афоризмы» книгой, написанной Гиппократом в старости¹². В самом деле, автор книги обращается с немногословными афоризмами к коллегам-врачам с высоты богатого профессионального опыта, описывая разнообразные случаи болезней. Как бы то ни было, представление о том, что искусству медицины нужно учиться долго и учение это трудно, не раз обсуждалось классиками медицины и философии.

3. *Ars longa*: Гален, Платон и Гиппократ

В комментарии Галена слова о *долгом пути* искусства толкуются в том духе, что искусству нужно долго учиться, оно трудно для усвоения, и эти трудности возникают в связи, по меньшей мере, с двумя обстоятельствами: 1) медицина наука – эмпирическая и 2) применение ее ситуативно.

1) Медицина не сводится только к теоретическим познаниям (которыми можно было бы овладеть побыстрее), она требует практических навыков, накопления профессионального опыта, а его невозможно приобрести быстро, но только с годами. Сам по себе этот конкретный характер медицинского знания проясняет, почему в классический век античной философии медицину охотнее именовали искусством, а не наукой. Все, что неразрывно связано с чувственным опытом восприятия, конкретным пониманием состояния *вот этого* человека, а не человека *вообще*, и тем более навыками ручного труда (собственно, «хирургия», *χειρουργία*, буквально значит «ручная работа», «рукоделие»), – все это в тот период формирования базового языка европейской науки и философии оставляло медицину в ранге искусства – благородного, жизненно важного, но все же искусства, т. е. конкретно-эмпирического знания. Не будем забывать, что формирование медицинской теории на протяжении V – начала IV вв. до н. э., в частности, в сочинениях Косской школы, шло в русле противопоставления медицины и отвлеченной «философии», под которой авторы-медики разумели известные тогда теории представителей ранней натурфилософской (досократической) мысли, бравшихся не только рассуждать на медицинские темы, но и заниматься целительством, как Эмпедокл. Отвлеченная философия о предметах «небесных или лежащих под землею» была в их глазах сомнительным занятием, требующим принятия гипотез, проверить которые опытным путем не представлялось возможным и в которых медицина к тому же нисколько не нуждалась (об этом: [*Hippocr.*] *De prisc. med.* 1–2).

2) В комментарии к словам про *долгий путь* искусства Гален также рассуждает о трудности овладения ремеслом врачевания в связи с краткостью удобного момента (*kairos*) и подчеркивает, как нелегко даже опытному врачу не пропустить этот мимолетный удобный момент, от которого зависит успех лечения. Это не более чем продолжение мысли об эмпирическом характере медицины, но с усилением акцента на существенную зависимость успеха лечения от постоянной изменчивости предмета (болезни и больного тела).

Эти идеи были заявлены самим Гиппократом, слова которого толкует Гален. Гиппократ говорил об опытном характере медицинского знания, предупреждал о скоротечности удобного момента для лечения и сложности его установления – все это обозначено «кратко» в первом афоризме, а конкретный профессиональный разговор о трудностях подобного рода составляет

¹² Cp. Introduction // *Hippocrates / With an English translation by W.H.S.Jones*. Vol. IV. L.; Camb. (Mass.), 1959. P. xxxiv. С этим связана признанная датировка произведения первой четвертью IV в. до н. э., поскольку умер Гиппократ в 377 до н. э.

содержание целых трактатов. Но Гиппократ ввел еще один мотив в понимание слов об *ars longa*, сказав, что медицине следует обучаться *с детских лет* и не оставлять учение всю жизнь.

Гиппократ. Закон, 2: «Тому, кто захочет приобрести себе действительное познание медицины, необходимо иметь: природные задатки, обучение, удобное место, *наставление с детства*, трудолюбие и время... Сюда же необходимо еще присоединить *многолетнее прилежание*, чтобы учение, укоренившись прочно и глубоко, приносило зрелые плоды».

Скорее всего, «Закон» был написан не Гиппократом, но ритором из медицинских кругов – «иатрософистом». Однако тема обучения с детства, без сомнения, близка Гиппократу. Так должен был учиться он сам, так в большинстве случаев учились все врачи, поскольку древнегреческая медицина представляла собой закрытую для профанов профессию, передаваемую преимущественно внутри семьи: от отца к сыну и внуку, от тестя зятю и т. п. Если человек волею судьбы приходил обучаться врачеванию со стороны, он становился членом семьи учителя, о чем и сказано в начале «Клятвы» Гиппократа: (клянусь) «считать научившего меня врачебному искусству наравне с моими родителями, делиться с ним своими недостатками и в случае надобности помогать ему в его нуждах; его потомство считать своими братьями, и это искусство, если они захотят его изучать, преподавать им безвозмездно и без всякого договора» (Jusjurandum, 4–8). Сам Гиппократ считался в 18 колене потомком бога медицины Асклепия, из чего следует, что все его предки были врачами. Автор «Наставлений», сочинения из Гиппократовского сборника, упрекает бывших «поздних студентов» в невежестве и непрофессионализме и выдвигает требование вовсе запретить позднее обучение (*ὀψιμαθίη*) в медицине: «Нужно приветствовать такой порядок, при котором не имеет места позднее обучение» (гл. 13).

На тему раннего профессионального образования известны высказывания не только врачей. Платон в «Государстве» пишет о том, что медицину следует начинать изучать с детства.

Платон. Государство III, 408e: «Искуснейшими врачами стали бы те, кто, начиная с малолетства (*ἐκ παιδων ἀρξάμενοι*), кроме изучения своей науки (*τέχνην*) имел бы дело по возможности с большим числом совсем безнадежных больных, да и сам перенес бы всякие болезни и от природы был бы не слишком здоровым» (пер. А.Н.Егунова).

Странное, на первый взгляд, пожелание переболеть всякими болезнями, быть не слишком здоровым и пораньше практиковать со сложными больными (у Платона – «телами»), философ обосновывает вовсе не тем, что врач, переболевши, приобретет таким путем собственный иммунитет, т. е. укрепит свое *тело*, но тем, что благодаря этому он подготовит свою *душу*, которая и будет лечить больные тела, умея сострадать больным. Понять чужую боль, согласно этой мысли, можно только испытав свою.

Итак, и Платон и Гиппократ согласно говорят о том, что медицине следует обучаться с детства, чтобы стать более искусным врачом. Тем самым более наглядно становится сопоставление длительности обучения с длительностью самой жизни. Гален подчеркивает вслед за Гиппократом, что только благодаря трудолюбию можно за короткий срок жизни как бы «вместить» больше искусства. Искусство длинно, потому что учиться ему нужно долго и

начинать с детских лет, чтобы стать более опытным. Заметим, индивидуальный опыт никогда не может быть полон, ибо болезней бесчисленное множество, и очевидно, больше, чем на свете живет людей.

4. Чья жизнь коротка – врача или пациента?

Однако вернемся к полному тексту афоризма Гиппократа, полагая, что его текст включал и вторую часть (со слов «поэтому не только сам врач...»), и вспомним обозначенное выше толкование о краткости жизни пациента. В самом деле, вторая часть содержит вывод о том, что не только врач должен делать все необходимое, но и пациент. А что должен и может сделать пациент? Вероятно, он должен верно свидетельствовать о своем заболевании. Врач помимо жалоб больного может судить лишь по ограниченному количеству признаков – если болезнь не имеет видимых на теле проявлений. В гиппократовской медицине основу диагноза составляли наблюдения за температурой, пульсом, голосом и дыханием, а также внешним видом кожных покровов, цветом и консистенцией крови и мочи. А далее, как говорится, «то, что ускользает от зрения глаз, постигается умственным зрением»¹³. Но тут возникает вопрос: следует ли пациенту стараться помогать врачу, потому что жизнь врача коротка для овладения его (врача) искусством? Или все-таки потому, что сам больной хочет выздороветь и не хочет свою жизнь сделать короче?

Вторая часть афоризма ставит под вопрос традиционное толкование *vita brevis*, согласно которому получается, что Гиппократ сетует: врач в силу краткости своей жизни не в состоянии овладеть своим искусством, значит, ему должны все помогать: 1) пациент, 2) окружающие люди (помощники? слуги? родные пациента? друзья?), 3) внешние обстоятельства (время года? климат? время суток?) и т. п. – иначе врач, будучи сам смертен, не успеет вылечить. Однако, как представляется, в данном контексте под угрозой находится жизнь не врача, а больного, и именно жизнь больного может оказаться коротка: пока врач думает, как лучше лечить, пациент может скончаться – *vita brevis*.

В первом варианте толкования краткость жизни врача тождественна краткости жизни человека. Но эта мысль, по меньшей мере, не нова для конца V в. до н. э. и в устах Гиппократа звучит тривиально. Речь должна идти о краткости сопоставимой, вернее, меньшей, чем природная краткость человеческого века. Разумно предположить, что это краткость жизни *больного* человека. Поэтому склоняемся ко второму толкованию: в афоризме Гиппократа имеется в виду **краткость жизни пациента**, поэтому он сам и должен по мере сил помогать врачу.

Ars brevis, vita longa: из полемики Галена с методистами

Рассуждение об известных в античности толкованиях слов *ars longa* из первого афоризма Гиппократа будет неполным, если мы оставим без внимания один фрагмент из трактата Галена «О школах, для начинающих». Гален критикует коллег из методической школы¹⁴ и приводит с их слов любопыт-

¹³ [Гиппократ]. Об искусстве, гл. 11.

¹⁴ Краткое изложение взглядов представителей школы методистов см.: *Hankinson R.J. Cause and Explanation in Ancient Greek Thought*. Oxford. 2001 (ch. IX, § 3: Methodism), более подробно: *Nutton V. Ancient Medicine*. N. Y., 2004. P. 187сл. (§ 13: The Rise of Methodism). Методическая школа, которую во времена Галена возглавлял врач Фессал, возникла в I в. н. э., т. е. гораздо позднее школ, с которыми она полемизировала – рационалистической и эмпирической медицины.

ную цитату – переиначенный афоризм Гиппократ. Сама по себе эта игра слов показывает исключительную популярность профессионального афоризма, но также позволяет предположить, что мысль о краткости жизни пациента в связи с толкованием первого афоризма могла иметь распространение в античные времена в самой среде медиков. Итак, у Галена читаем:

«И этим методическая школа принесла великое благо, и оттого ее представители ужасно гордятся и считают себя достойными восхищения, а сказавшего “жизнь коротка, искусство долго” – порицания. Все наоборот: искусство кратко, а жизнь длинна! Ибо отказ от всех ложных предположений будет только на пользу искусству, и если принимать во внимание одни только «общие черты», оно уже не будет ни длинным, ни трудным, а легким и ясным, и его вполне можно было бы изучить месяцев за шесть» (De sectis ad eos qui introducuntur, vol. 1, p. 82, 14–83,6 Kühn).

Цитата «наоборот» из Гиппократ взята Галеном, вероятно, из комментария на «Афоризмы» врача-методиста Юлиана из Александрии, современника Галена¹⁵. Получается, если сокращается время обучения медицине, можно сказать, переделав известное изречение: *искусство коротко, а жизнь длинна* (*αὐτὴν μὲν βραχεῖαν εἶναι, τὸν δὲ βίον μακρόν*). Однако после перестановки мы все же должны сохранить принадлежность жизни и искусства тем же субъектам, иначе цитирование будет напрасным. Жизнь «длинна» должна быть у того же, у кого она «коротка» в афоризме Гиппократ. Если имеется в виду жизнь врача, то у методистов выходит не слишком складно: в результате сокращения времени ученья мы получаем не что иное, как удлинение жизни самого врача, да и то лишь по сравнению со сроком его учения. Речь вовсе не идет о том, что врач кого-то лечит, речь идет только о том, что врач учится. Но если речь идет о жизни пациента, то шутка методистов оказывается более осмысленной: *искусство кратко*, т. е. врач становится знатоком быстрее, и благодаря этому *жизнь длинна* – жизнь пациента, которого быстрее вылечили. Правда, на взгляд Галена, в теориях методистов по модернизации процесса обучения вообще немного смысла, так что если бы те неудачно переиначили сентенцию Гиппократ, он бы особенно не возражал.

Итак, толкование *ars longa* во всех вариантах его цитирования единообразно: длительность искусства связана с объемом знаний, который обязан усвоить тот, кто этим искусством овладевает.

Гиппократ о краткости жизни пациентов

Нашла ли свое отражение в сочинениях Гиппократовского корпуса тема краткости жизни пациента или краткости жизни врача? Насколько часто эти темы становились предметом обсуждения? В самом деле, первый афоризм по самому своему месту в композиции сочинения не должен быть загадкой и нуждаться в новаторских разъяснениях, нет, его смысл должен соответствовать тому, что Гиппократом уже было сказано ранее.

Оказывается, о краткости жизни врача говорится едва ли не в одном этом афоризме, если принять традиционное его толкование, зато свидетельствами краткости жизни пациента переполнены страницы разных трактатов. Конечно, в этом не может быть ничего удивительного, ведь медицина имеет дело со смертельными болезнями, и этот опыт также должен был быть зафиксирован.

¹⁵ О существовании комментария Юлиана на «Афоризмы» в 48 книгах известно благодаря сообщению самого Галена, который написал против Юлиана трактат с опровержением его возражений на Гиппократ (Adversus ea quae a Juliano in Hippocratis aphorismos enuntiata sunt libellus; о комментарии в 48 книгах см.: Adv. Juliano, vol. 18, p. 248, 6 Kühn).

Весьма показательны с этой точки зрения «Эпидемии», где содержатся истории болезней десятков пациентов. Воображение читателей, и не только современных, всегда поражало большое количество летальных исходов, педантично описанных на страницах этого сочинения. Врач Асклепиад в I в. до н. э. иронически назвал «Эпидемии» «размышлением о смерти». Для иллюстрации приведем полностью одну запись из третьей книги сборника:

Гиппократ. Эпидемии III, 3: «В Лариссе лысый человек внезапно почувствовал боль в правом бедре; никакое из прописанных ему лекарств не помогало; 1-й день: острая лихорадка характера жгучей; держал себя спокойно; боли продолжались. На 2-й день боли хотя уменьшились, но лихорадка усилилась; у больного было тягостное состояние; он не спал; холодные конечности; выделил в большом количестве мочу, которая не была хороша. На 3-й день боль бедра прекратилась, но появилось расстройство рассудка, волнение и большое беспокойство. На 4-й день около середины дня он умер. Острая болезнь» (пер. В.И.Руднева).

Семь книг «Эпидемий» – коллективный труд нескольких авторов, вероятно, продолжающий врачебные записки Гиппократ. По замечанию немецкого ученого В.Йегера, это произведение само по себе является наглядным подтверждением знаменитого изречения «жизнь коротка, а искусство долго». Видимо, он имел в виду, что отдельные представители профессии передают свой опыт коллегам следующих поколений, расширяя тем самым возможный индивидуальный опыт. На наш взгляд, страницы, подобные цитированной выше, оставляют возможность и для других толкований первых слов афоризма. Они показывают, что краткость болезни пациента буквально не позволила врачу применить свое искусство, оставив ему только функцию наблюдателя.

В сочинении «Прогностика», традиционно приписываемом самому Гиппократу, факты краткости жизни (смертности) пациента не просто зафиксированы во врачебной записи, но и поставлены в контекст, задаваемый первым афоризмом: краткость жизни пациента как следствие бессилия врача и его искусства, обусловленное недостатком времени на лечение. В начале «Прогностики» Гиппократ со знанием дела замечает, что «всех болящих сделать здоровыми, увы, невозможно», и далее пишет:

«Но так как люди умирают одни прежде, чем пригласят врача, по причине силы болезни, а другие вскоре после приглашения – одни проживши один день, другие несколько дольше, – прежде чем врач благодаря своему искусству мог бы воспротивиться каждой болезни, то должно врачу узнать природу таких страданий, именно, насколько они свыше телесных сил» (Prognostikon I, 10–15).

Как представляется, это рассуждение дает основание признать толкование *vita brevis* в смысле краткости жизни пациента не просто возможным, а тем, которое сам Гиппократ мог иметь в виду.

А ведь, казалось бы, можно было сказать и о краткости жизни врача в связи с обсуждением длительности процесса лечения, – например, в описании случаев заражения врача от больного, и трудно допустить, что такие случаи бывали редки. Но эти случаи по каким-то причинам представлялись недостойными упоминания и, насколько можно судить, не были тематизированы в Гиппократовском корпусе.

5. Искусство общения врача с пациентом

Во второй части афоризма Гиппократ приводит к мысли о сотрудничестве врача и пациента. Можно заметить, что не пациент, помощники и «воздух и вода» должны врачу способствовать, а скорее сам врач должен быть способен направить все это на пользу дела. Что касается помощников (примем традиционное толкование, согласно которому «окружающие» – это ученики и помощники врача), то не будем проблематизировать этот сюжет, оставим все наставления и пожелания врача своим собственным помощникам за закрытыми дверями в рамках сугубо профессионального разговора. Каким образом врачу использовать все привходящие «внешние обстоятельства» от направления ветров и качества воды до причин беспокойного сна больного, – это вопрос его личной профессиональной компетентности. Но как и почему больной должен способствовать врачу, или как врач должен быть способен добиться необходимой ему доли участия от пациента, – это тема, которую не обошли вниманием наши древние комментаторы, а главное, об этом высказались и сам Гиппократ, и едва ли не больше Гиппократа – Платон.

«Не только врач должен делать все необходимое»

Прежде чем мы обратимся к обсуждению слов «не только сам врач должен делать все необходимое», поставим вопрос: а что же, на взгляд Гиппократа и комментаторов «Афоризмов», должен делать *врач*? Чтение византийского «комментария Протоспафария» обнаруживает, что в античной экзегетической традиции по этому поводу обсуждались неожиданные темы, – если ожидать, например, что прозвучат слова о внимании и усердии врача, поиске им причин болезни и т. п. Но нет. Комментаторы считали это место поводом вспомнить о порядочности и репутации врача, его облике, правилах посещения больного, т. е. о нормах врачебной этики и этикета. Так, в комментарии Стефана Афинского читаем:

Слова «*делать все необходимое*» нуждаются в разъяснении. Следует сказать, что же должен делать врач, вызванный к больному. От него требуется, как об этом сказано в шестой книге «Эпидемий», много всего. Во-первых, он должен быть человеком безупречной репутации, а ногти у него должны быть не слишком отросшими, впрочем, это не относится к хирургам. Последним ногти нужны для проведения хирургических операций, чтобы пользоваться ими по обычаю для удержания плоти. Врачу же общей практики не следует отращивать ногти прежде всего потому что в них скапливается грязь, что мерзко. Далее, что касается одежды, то одежда не должна быть маркой, но и не изысканной, так что лучше облачиться в шелковую. Врач не должен быть дерзок, своенравен и напорист, ибо это признаки заносчивости, но он не должен быть также подавлен и угрюм, ибо это говорит о нерешительности. Все это врачу следует в себе воспитывать больше поскольку он человек, а не поскольку он врач.

Врачу следует знать, когда нужно войти к больному бодро, с голосом и словами оптимистическими, а когда – в молчании, тихо и сдержанно. И подходя к больному, ему следует даже шаги делать не одинаковым образом – но сообразно характеру заболевания. Врач должен приходить для осмотра больного не без веского повода, ибо нехорошо немощного человека заставлять лишний раз подниматься, поворачивать его и осматривать, но к больному должно спешить ради постановки диагноза и лечения заболевания. И слишком часто приходить тоже не подобает, дабы не прослыть надоедливym. Ты должен быть подобен тирану по отношению к болезням и не изменять своему ремеслу, не взирая ни на лица, ни на плату. А кроме того, следу-

ет разыскивать способы действия и природу всех причин болезни, особенно непосредственно ей предшествующих. Вот что значат слова – «*делать все необходимое*» (Comm. In Hippocratis aphor. 251, 23–252, 20 Dietz).

Этот фрагмент из позднего комментария, не лишенный для современного читателя доли занимательности, построен на компиляции из Гиппократовых сочинений, посвященных поведению врача («О врачах», «О благоприличии», «Наставления» и др.), где специально говорится о необходимости для врача соблюдать правила гигиены, стричь ногти, одеваться в удобные одежды, «избегать щегольства головными повязками для приобретения себе авторитета», пользоваться благовониями и т. п. приятные для пациента правила профессионального поведения.

Тем самым тема участия пациента, который в свою очередь «должен делать все необходимое», приобретает дополнительное измерение, ведь участие в собственном исцелении означает выход за пределы только потребления платных услуг, из сферы естественно-эгоистической в сферу человеческих взаимоотношений. Безусловно, названных условий недостаточно, чтобы организовать полезный для дела контакт с пациентом. Врачу мало пользоваться благовониями и эмоционально не раздражать его, с ним нужно разговаривать, а зачастую и уговаривать, ведь почти все процедуры древней медицины были связаны с болезненными или неприятными ощущениями, вдобавок к страданиям от самой болезни. Этот элемент профессии – риторика увещевания, заслужил специальное внимание Платона в его главных политических проектах – «Государстве» и «Законах».

Но прежде, чем обратиться к Платону, заглянем в старинные комментарии на Гиппократ, – что же, на взгляд их авторов, должен делать *пациент*, к которому пришел вызывающий доверие врач.

По мнению Дамаския, чьим именем подписаны фрагменты комментария Феофила Протоспафария, больному «нельзя ни сердиться, ни унывать, ни принимать удовольствия ради ничего, что может усугубить болезнь, а также пренебрегать врачебными средствами защиты и тому подобным». Сам Протоспафарий лаконично пишет: больной «должен слушаться».

Что касается Дамаския, его комментарий в большой степени основан на сочинении «О благоприличном поведении» из Гиппократовского сборника, автор которого говорит помимо прочего о том, каких подвохов следует ожидать врачу от пациента. В основном речь идет о естественных попытках последнего избежать болезненных и неприятных ощущений.

[Гиппократ]. О благоприличном поведении, 14: «Должно также следить, чтобы больные не допускали ошибок, из-за которых многие часто обманываются относительно приема прописанных средств: и когда они не принимали противного на вкус питья, или неприятного лекарства, или других процедур, то умирали. Но они, конечно, не признавали содеянного, и виноват оказывался врач» (пер. В.И.Руднева).

В Афинах были приняты законы, согласно которым врач, не достойно, лишь по видимости и с целью наживы выполняющий врачебные действия, подвергался гражданской *адоксии*, осуждению в бесчестии. Такой врач в городе, конечно, не мог дальше продолжать свою практику. В любом случае, проследить за больным, чтобы тот выполнял указания и принимал прописанные лекарственные средства, для врача было важнее, чем поначалу можно себе представить.

Автор трактата «Об искусстве» посвящает седьмую главу своего сочинения энергичным оправданиям врачей от обвинений в неправильном лечении, по-видимому, имея в виду как раз случаи судебных тяжб. Вину за смерть пациентов врач склонен возложить на самих пациентов, которые «не делают всего того, что предписывается врачами». Он восклицает: как будто причина не может быть в «невоздержности умирающих», а не во врачебных ошибках! Как будто врачам свойственно предписывать то, чего не следует, а больным не свойственно нарушать предписаний врача!

Итак, врач должен быть готов к работе с пациентом, а пациент должен быть готов слушаться. Врач должен приготовить и дать лекарство, а пациент должен его принимать. Можно ли представить, что какой-либо взрослый человек не будет слушаться и отказываться от лечения? Больной, который врача не слушается, – тема для медицины не новая. Но если авторы-врачи могли предусмотреть противодействие больного из-за страха боли, ощущений неприятного и разного рода заблуждений, связанных с незнанием пациентом причин болезней, действий лекарств и прочих обстоятельств, то Платон посмотрел на проблему с иной точки зрения.

Гражданин пациент: причины отказа от лечения

В «Государстве» и «Законах» Платон посвятил общению врача и пациента несколько небезынтересных для истории медицинской деонтологии страниц. Конечно, пациент должен помогать врачу для собственного же блага, – если только он желает лечиться. Если он лечиться дальше не желает, то и помогать врачу не будет. Очевидно, для этого должны быть причины. Возможно, у него кончились деньги, но возможно, он видит свое благо в чем-то другом и существует некая более сильная мотивация, чем желание быть здоровым. Не исключено, что пациент окажется философом-платоником и будет мотивирован представлением о смысле жизни и своем предназначении. Платон в «Государстве» пишет: «Каждому... назначено какое-либо дело в обществе и он его обязан выполнять, а не заниматься всю жизнь праздным лечением своих болезней». Под «праздным лечением болезней» имеется в виду в основном забота о затянувшихся хронических заболеваниях, с которыми можно протянуть до старости и до старости же лечиться. В качестве образца поведения гражданина правильного государства у Платона приведен некий плотник.

Платон. Государство III, 406d: «Плотник, когда заболит, обращается к врачу за лекарством, вызывающим рвоту или слабительное действие, а не то просит сделать ему прижигание или разрез. Если же ему назначат длительное лечение, велят кутать голову и так далее, он сразу же скажет, что ему недосуг хворать, да и ни к чему будет жить, если обращать внимание на болезнь и пренебрегать надлежащей работой. Распростившись с такого рода врачом, он возвращается к своему обычному образу жизни и, если выздоровеет, продолжает заниматься своим делом; если же его тело не способно справиться с болезнью, наступает конец и избавление от хлопот» (пер. А.Н.Егунова).

По учению Платона, душа бессмертна – только в таком контексте можно с должным спокойствием прочитать невозмутимые слова «конец и избавление от хлопот». Человек, исполнив полностью свой долг в этой жизни, получит в следующей удел более прекрасный. Самоотверженность плотника объяснима с точки зрения платонической теории спасения: сознательный гражданин спасает свою бессмертную душу, не очень заботясь о теле. Не по-

нятно лишь, как быть врачу, поскольку он тоже гражданин полиса, тоже не хочет «бесполезной жизни для себя и для окружающих» (III, 408b) и не хочет бросать свою работу, без которой «ему и жить ни к чему» (407a) и едва ли желает погубить свою душу и гражданскую честь, нарушив клятву.

Однако Гиппократ, безусловно, не был сторонником учения о бессмертии души. Приведенный выше сюжет из платоновского произведения показывает, что призыв к пациенту помогать врачу не есть нечто само собой разумеющееся одинаково для всех. В ходе комментирования Гиппократ «с помощью Гиппократ» (т. е. с помощью сказанного в других сочинениях корпуса) в качестве причин уклонения пациента от лечения мы обнаруживали у толкователей в конечном итоге слабость характера пациента, которую сам больной должен как-то преодолевать, а врач – учитывать. Но пациент может отказаться помогать врачу, скажем так, в силу своей добродетели, из соображений гражданского долга, сочтя долг важнее собственной болезни и больше страха смерти почитая страх «никчемной жизни». В качестве идеала – в рамках правильного государственного устройства – этот вариант поведения пациента Платон и обозначает. Но поскольку правильное государство остается идеальным проектом, врачи продолжают убеждать своих пациентов не бросать лечение и благоразумно слушаться советов докторов, а не парадоксов философов.

Платон и Гиппократ о методах врачебного убеждения

Действиям, которые необходимо совершить врачу, врач обучается и поэтому о них знает, а «необходимым действиям», которые должен совершить пациент, его должен обучить, вероятно, сам лечащий врач. Но готовы ли были врачи что-либо объяснять пациенту? Смотря какие врачи и смотря каким пациентам – у Гиппократ и Платона мы находим некоторые соображения на сей счет. Платон в «Законах» придал разговору об искусстве коммуникации врача с больным социологический оттенок и включил его в общеплатоновское учение о человеке (душе). Платон говорит о двух типах врачей – врачах для свободных и для рабов (последнее – реалия древнегреческой полисной демократии). В первом случае ведется равный диалог между врачом и пациентом, когда врач все объясняет и аргументирует, во втором врач ведет себя «как тиран», ничего не объясняет, а только приказывает¹⁶.

Платон. Законы IX, 857cd: «Неплохо было бы сравнить всех нынешних людей, для которых устанавливаются законы, с рабами, которых лечат такие же рабы. Надо твердо усвоить следующее: если бы какой-нибудь врач из числа тех, что врачуют по опыту, а не на основе знаний, застал свободнорожденного врача в беседе со своим, тоже свободнорожденным, больным, причем этот врач в речах своих приближался бы к философии, затрагивал самый источник болезни и, следовательно, обсуждал природу тел вообще, то врач-раб тотчас же бы расхохотался и обратился бы к другому врачу с такими словами, какие всегда бывают в подобных случаях на языке у большинства таких вот врачей: Ах ты чудак, да ты не лечишь больного, а чуть ли не обучаешь его, словно ему надо не выздороветь, а стать врачом!»

Ничего смешного в лечении и одновременно обучении (*παιδεία*) Платон не находит. Наоборот, он всерьез видит в подобном сотрудничестве единственно правильный путь успешного лечения. «Тираническая» медицина никогда не может быть уверена в успехе своего дела.

¹⁶ Подробнее см.: *Langholf V.* Nachrichten bei Platon über die Kommunikation zwischen Ärzten und Patienten // *Hippokratische Medizin und antike Philosophie* / Hrsg. R. Wittern, P. Pellegrin. Hildesheim, 1996. S. 113–142.

Законы IV, 720cd: «Никто из подобных врачей не дает своим пациентам-рабам отчета в их болезни да и от них этого не требует, но каждый из них, точно он все доподлинно знает, с самоуверенностью тирана предписывает те средства, что по опыту кажутся ему пригодными, вслед за чем поднимается и удаляется к другому больному рабу.

Врач же из свободных... исследует начало и природу их болезней, беседует с больным и его друзьями, так что и сам получает кое-какие сведения о тех, кого лечит; вместе с тем, насколько это в его силах, он наставляет больного и предписывает ему лечение не прежде, чем убедит в его пользе. Такой врач путем убеждения делает своего больного все более и более послушным и уж тогда пытается достичь своей цели, то есть вернуть ему здоровье. Так какой же из этих двух врачей применяет лучший способ лечения?»

Итак, послушными пациенты становятся благодаря общению с врачом. Умение лечить и общаться входит в его профессию. И прежде чем ожидать от пациента послушания, врачу необходимо добиться от него согласия на лечение и внушить ему веру в успех лечения. Между увещанием и насилием, свободой и тиранией в отношениях греки неизменно предпочитали свободу.

Гиппократ как основоположник гуманного подхода в медицине говорил не только о необходимости добиться благорасположения пациента, для чего нужно ему рассказать коротко, но правдиво о его состоянии, но и о важности для доктора придерживаться принципов человеколюбия. Ободрение, сочувствие к пациенту – лучшее доказательство того, что врач, как ни долго и трудно его искусство, вполне им овладел.

«Наставления», гл. 9: «Очевидным и великим доказательством существования искусства будет, если кто, устанавливая правильное лечение, не перестанет ободрять больных, чтобы они не слишком волновались духом, стараясь приблизить к себе время выздоровления. Ведь мы руководствуемся всем тем, что нужно для здоровья, и, получая предписания, больной не совершит ошибки. Но сами больные, по причине своего плачевного положения, отчаявшись, заменяют жизнь смертью. Тот же, кому поручена забота о больном, если покажет все открытия искусства, сохраняя природу, а не изменяя ее, устранит горечь настоящего положения или мгновенное недоверие».

В завершение рассуждения нам опять встретилась мысль о краткости жизни пациента, но уже в новой вариации: если врач будет пренебрегать психологическим состоянием пациента, то может потерять пациента по причине самоубийства последнего. Видимо, бывали и такие случаи.

Автор упомянутого нами не раз трактата «Об искусстве», выдвигая претензии своим слушателям и потенциальным пациентам в невоздержности и расслабленности, напоминает, сколь часто они сами бывают причиной усугубления своих страданий.

[Гиппократ]. Об искусстве: «Больные, не понимая ни того, какую болезнью они страдают, ни по какой причине, ни того, что может произойти из настоящего, ни того, что бывает в подобных случаях, получают предписание, но, мучительно страдая в настоящем, страшась будущего, переполненные болью и лишённые питания, ищут скорее того, что может доставить приятное в болезни, чем того, что полезно для здоровья, – не потому, что хотят умереть, а потому, что не в силах выдержать все это».

Что же, риторика обличения вместо риторики увещания на крайний случай тоже должна быть в арсенале доктора.

6. Из истории цитирования первого афоризма Гиппократ

Первый афоризм, вернее, его фрагмент, изменив первоначальный смысл, стал латинской поговоркой, и всех случаев его цитирования невозможно учесть. Интересно было бы обратиться к наиболее ранним цитатам-репликам – у Филона Александрийского, Сенеки и Эроциана, а также наиболее ярким из поздних – у Чосера, Парацельса, Мольера и Гёте, чтобы лучше понять доминирующую линию в рецепции высказывания Гиппократ. Изучение источников показывает, что с довольно ранних времен охотнее цитировали именно краткую формулу *про жизнь и искусство*, хотя бывали и исключения, – но чем короче становился афоризм, ставший чем-то вроде народной мудрости, тем шире становилась его интерпретация.

Сенека. Римский политик и философ-стоик Луций Анней Сенека (сер. I в. н. э.) в начале трактата «О скоротечности жизни» приводит сокращенный афоризм в подтверждение своего начального тезиса: говорят, мол, жизнь человеческая коротка, мы уходим из жизни, «еще не успев к ней как следует подготовиться» (*De brevitae vitae* I, 1); на краткость жизни сетует не только толпа, но и люди поистине выдающиеся, например, великий врач Гиппократ восклицает: «Жизнь коротка, искусство длинно» (*vitam brevem esse, longam artem*)¹⁷. Очевидно, Сенека понимает эту фразу так, что жизнь врача оказывается коротка, чтобы в совершенстве овладеть своим искусством. К данному месту в русском издании имеется примечание от переводчика: «Это значит не то, что великие произведения искусства надолго или навечно переживают своих создателей, но что всякому ремеслу (искусству) надо долго учиться, а жизнь коротка»¹⁸.

Сенека приводит высказывание Гиппократ так, словно в его время оно имело хождение в сокращенном виде. Действительно, так его цитирует не только Сенека, но и современник Сенеки, автор «Лексического словаря к трудам Гиппократ» **Эроциан**, живший в Риме при имп. Нероне. Во введении к своему словарю Эроциан тоже цитирует афоризм Гиппократ, притом с перестановкой частей: «искусство долго, а жизнь коротка» (*μακρὰν μὲν τὴν τέχνην, βραχὺν δὲ τὸν βίον*)¹⁹. Его цитирование обогатило историю экзегезы афоризма новым контекстом: не без изобретательности Эроциан предлагает понимать под «искусством» не просто искусство Гиппократ, медицину, но *свод текстов* Гиппократ; тогда на краткость жизни приходится сетовать тому любителю медицины, который книги Гиппократ должен прочитать. И тут на помощь приходит он, комментатор, составитель словаря трудных выражений, предназначенного быть пособием в нелегком деле чтения Гиппократ.

Сатирик **Лукиан** вспоминает афоризм косского врача в диалоге «Гермотим, или О выборе философии». Устами Гермотима он примеряет истину «Жизнь коротка, а искусство долго» к философии и находит, что это высказывание к ней отлично подходит: философию-то еще сложнее изучать, чем медицину, ее приходится одолеваять в долгий срок с «напряжен-

¹⁷ Цитируется по изданию: *Луций Анней Сенека. Философские трактаты* / Пер. и коммент. Т.Ю.Бородай. СПб., 2000.

¹⁸ Там же. С. 40.

¹⁹ *Erotian. Vorum Hippocraticum collectio* 30, 5 Klein. Это первый известный случай перестановки слов в афоризме, в латинском варианте впоследствии подменивший оригинал. В современных словарях крылатых выражений, поисковых системах интернета и сетевых словарных проектах выражение Гиппократ чаще всего дается именно в краткой форме с перестановкой, см., напр., http://en.wikipedia.org/wiki/Ars_longa_vita_brevis.

ным непрерывным бдением» (1, 16–21). Указанные цитаты сходны в том отношении, что слова Гиппократовы приводятся именно как медицинская мудрость, значение которой позволяет и побуждает расширить ее медицинские границы.

Но всех раньше короткий афоризм привлек **Филон Александрийский** в сочинении «О созерцательной жизни». Филон цитирует его в подкрепление мысли о том, что время человеческой жизни надо расходовать с умом, не расточая впустую: «Стяжание денег и богатства – потеря времени. А время подобает беречь, ведь и по слову Гиппократову: *Жизнь коротка, искусство долго*» (De vita contempl. 16,6–17,1). В таком цитировании излишним оказывается само медицинское искусство, о котором здесь заставляет вспомнить только имя Гиппократово. У Филона ведь речь не идет о том, что стяжание денег и богатства есть медицинский диагноз.

Шли века, и мудрая цитата кочевала из одной книги в другую. Появились ее версии на новоевропейских языках. Как иллюстрацию истины о краткости жизни и долгом пути изучения искусства фрагмент афоризма использует основоположник английской литературы **Джеффри Чосер** (XIV в.) во вступлении к поэме «Птичий парламент»:

Столь мало жить, столь многому учиться;
Столь тяжок опыт, столь приносит бед!

(пер. С.А.Александровского)

Из новых цитат и несколько видоизмененных интерпретаций важно упомянуть толкование афоризма Гиппократово врачом, алхимиком и естествоиспытателем **Парацельсом** (XVI в.), который стал одним из первых ученых, писавших не на латыни, а на немецком. Известно, что Парацельс воевал с авторитетом Галена, якобы исказившего истинный смысл учения Гиппократово. В своем комментарии на «Афоризмы»²⁰ он призывает понять Гиппократово правильно – как философа-космолога, врача и вместе с тем метафизика. Словами «жизнь коротка, искусство долго» Гиппократ, по мнению Парацельса, хотел указать на сложность изучения медицины, ибо для успешного лечения болезней человека (микрокосмоса) следует знать тайны всей природы, устройство всего мироздания (макрокосмоса), для чего необходимо изучить основания астрологии, алхимии, философии и религии.

Мольер. Замечательно полная цитата имеется у Жана Батиста Мольера в пьесе «Летающий доктор», – эта цитата сама по себе демонстрирует, что годы обучения Жана Батиста Поклена в престижном медицинском колледже не прошли для будущего актера и драматурга даром. Один из персонажей пьесы (Адвокат) говорит о медицине как синтетическом искусстве искусств, изучать которое сложнее всех прочих:

«По моему разумению, люди, постигшие какую-либо науку, достойны великой похвалы, особенно те, кто изучил науку медицинскую, и не только вследствие пользы, которую она приносит, но и потому, что она включает в себя и другие науки, что делает совершенствование в ней особенно затруднительным. Об этом прекрасно сказано в первом афоризме Гиппократову: *Vita brevis, ars vero longa, occasio autem praeceps, experimentum periculosum, iudicium difficile*».

²⁰ Подробнее см.: Benzenhöfer U., Trieb M. Zu Theophrast von Hohenheims Auslegungen der «Aphorismen» des Hippokrates // Parerga Paracelsica: Paracelsus in Vergangenheit und Gegenwart / Hrsg. von J. Telle. Stuttgart, 1992. S. 27–37; Brunn L. W. von. Hohenheims Kommentare zu den «Aphorismen» Hippokrates // Acta Paracelsica III. 1946.

Мольер с удовольствием процитировал афоризм Гиппократ полностью и присоединился к традиционной интерпретации *ars longa*: искусство длинно, сложно, на доктора учиться долго, учить нужно много. Медицина как «наука наук» – вероятный отголосок модных идей об универсальной медицине, провозглашенных Парацельсом.

Гёте. Продолжение трактовки *vita brevis* в смысле краткости жизни для овладения искусством мы находим в трагедии Гёте «Фауст». В одной из сцен доктор Фауст говорит, что хочет испытать все счастье и горе, какое только может выпасть человеку, но в ответ слышит от Мефистофеля, что это невозможно:

Doch nur vor einem ist mir bang – Боюсь я за одно, в одном лишь мой протест
Die Zeit ist kurz, die Kunst ist lang. Ars longa, vita brevis est.

(пер. Н.А.Холодковского)

В первой сцене первой части с помощью той же «гиппократовской» цитаты (*Ach Gott! Die Kunst ist lang, Und kurz ist unser Leben*²¹) выражается несколько иная идея: *искусство* понимается как искусство познания, книжная наука – в таком случае все, что может *познать* человек, заведомо превосходит то, что он в действительности способен познать, и всех книг не прочесть. Напротив, в приведенной первой цитате искусство понимается как способность переживать разнообразные впечатления, искусство жизни. Но даже самая длинная человеческая жизнь не способна вместить всю полноту впечатлений – получается, жизнь всегда проходит напрасно. Как видим, о краткости жизни было уместно вспомнить в обоих случаях.

Генри Лонгфелло (1807–1882) в «Псалме жизни» еще более размыкает и сокращает древнее высказывание: «Путь далек, а время мчится, – Не террай в нем ничего...»²² В переводе И.А.Бунина «путь далек» соответствует *art is long* («искусство длинно») у Лонгфелло, а «время мчится», очевидно, – «краткости жизни» у Гиппократ. То есть, в конечном итоге, жизнь коротка – помни о смерти.

На этом образце цитирования с эффектом угасающего эха мы остановим наш рассказ об истории восприятия слов Гиппократ о краткости жизни и длительности искусства. Эта история включает в себя превращение самого понятия *технэ* от значения «медицинское искусство» у Гиппократ к «поэтическому искусству» у Горация (в продолжение ставшего популярным в римской интеллектуальной среде понимания искусства как единственного доступного человеку вида бессмертия) и художественному творчеству вообще, к «искусству жить» у Гёте и Лонгфелло.

Мы видим, что для таких вариаций в толкованиях должны были быть произведены существенные сокращения текста оригинала. Прежде всего, от афоризма была отброшена вторая его часть, известная только из Гиппократ и его комментаторов. Затем постепенно сокращали первую часть, пока цитирование не ограничилось словами «жизнь коротка» или «искусство долго». В этих двух словах медицины не больше, чем философии, а философии – чем литературы.

²¹ «Faust» I, V, 558: Ах, боже мой, наука так пространна, А наша жизнь так коротка!

²² *Art is long, and time is fleeting./ And our hearts, though stout and brave, etc.*

7. Вместо заключения: Гиппократ, Протагор et alii

И в литературе, и в философии реплики максимы «жизнь коротка» многочисленны и не обязательно связаны с медицинской Гиппократовой формулой. О несоизмеримости эфемерной жизни смертных (людей) и бессмертных (богов) писали классические авторы от Гомера до Еврипида. Но мы обратимся к модной философии середины V в. — софистике. Разве софист Протагор (ок. 485–415 до н. э.) еще до Гиппократа не произнес слова, весьма напоминающие начало его первого афоризма? — **«О богах я не могу знать ни того, что они есть, ни того, что их нет. Ибо многое тому знанию препятствует: и темнота предмета, и жизнь человеческая коротка (καὶ βραχὺς ὧν ὁ βίος τοῦ ἀνθρώπου)»** (DK80 B 4). Протагор говорит, что ничего о богах знать не может, даже того, есть сам предмет знания или его нет. То есть он ставит в зависимость возможность познания дел божественных от краткости своей жизни. Гиппократ не может позволить себе подобный скепсис по профессиональным мотивам. Предмет его искусства несомненно существует, в той или иной степени это ясно и врачу, и пациенту, и окружающим. При этом для достижения успеха требуется не только мнение самого врача, но и совместное усилие всех, кто причастен к процессу лечения. Таким образом, мысль о том, что искусство (знание) требует долгого изучения и не хватает жизни, чтобы им овладеть, — раньше прозвучала из уст Протагора, а Гиппократу в этом разговоре оставалось сказать свое слово врача-философа и противопоставить нигилизму софиста позитивную деонтологию.

Случайно или нет, но первые дошедшие цитаты слов Гиппократа «жизнь коротка, путь искусства долог» приходятся на то время, когда в литературе и философии рубежа тысячелетий становятся популярны сентенции о краткости жизни, с разными выводами из начального тезиса. На эту тему высказались Цицерон и Гораций, Сенека, Лукан и Плутарх. Цицерон в трактате «О старости» говорил: «Краток наш век, но он достаточно длинен, чтобы прожить хорошо и достойно» (De senectute XIX, 70); ср.: «Природой нам дана короткая жизнь, но достойно прожитая жизнь в памяти останется навсегда» (Philippica XIV, 32). Автор «Слова утешения к Аполлонию», изданного в корпусе сочинений Плутарха из Херонеи, посвятил свое произведение целиком теме краткости человеческой жизни, в котором приводит много подходящих к случаю высказываний древних в развитие мысли о том, что «даже самая длинная жизнь коротка и подобна точке по сравнению с бесконечностью вечности» (Consolat. ad Apoll. 117E10–11). У племянника Сенеки Лукана в «Фарсалиях» находим свойственный молодости позитив даже в размышлениях о краткости жизни: «Жизнь столь коротка, что некогда думать о смерти» (Pharsalia IV, 478).

Заклучим этот беглый обзор предположением, что обозначенный литературный фон также мог способствовать последующему восприятию афоризма Гиппократа в более широком смысле, чем авторский медицинский.

* * *

На наш взгляд, первые слова афоризма Гиппократа допустимо толковать и в смысле краткости жизни врача, и краткости жизни пациента. Однако второе из толкований не получило до сих пор обсуждения, на что нам хотелось обратить внимание. В конечном итоге, важны выводы. Гален, сторонник

первого толкования *vita brevis*, сделал прекрасный вывод из Гиппократовых слов: раз объем медицинских познаний столь велик, что время его изучения превышает человеческий век, **«лучшее, что врач может сделать – все свои знания оставить в книгах для тех, кто придет после него, разъяснив по возможности четко, быстро и понятно предмет своего наставления»**, и эти записки лучше составить в афористической форме для удобства и быстроты усвоения (In Aphor. 352,14–18). Что и сделал Гиппократ с учениками, написав «Афоризмы», первый из которых стал предметом обсуждения в данной статье.

Post scriptum

Автор посвящает первую публикацию своей статьи в «Философском журнале» доктору Нине Леонидовне Концевой, *humanissimo chirurgo dentario nobis certe amicissimo*.

Москва, январь 2012 г.